

ИДЕА ВИЛАРИНЬО

*Перевод с испанского Сергея Гончаренко **

Цветущий пепел

Что за роза — любовь!
Не порань, и храни, и лелей голубою водой...
Как медвяные струи, сочится ее аромат...
Береги этот отсвет огня на ее лепестках.
О любовь, что за роза — любовь,
что за роза, воистину роза,
что за нежная роза, конечно же, роза... Какой
стебелек, окунувшийся в сон, в невесомый покой;
погруженное в грузную грусть шевеленье корней, —
в тишине, в тишине,
и в брожении тонких теней...
Не порань, и храни, и лелей,
пей хмельной аромат, береги, не пролей,
и шипы ее кровью своей окропи и терпи.
Пусть поит ее цвет твоя красная теплая кровь
и страданья твои.
И любовь сотвори,
сотвори свою розу — любовь.

Небо, небо

Мир затопила черная лавина.
Крутая полночь. И земля пустынна.
И тени мертвых шепчутся во мраке...
Но в темноте над храмом Магдалины
вдруг расцветают огненные маки,
и чудный свет струится по долине...
О, подарите розу Магдалине!

Она, она, голодная блудница!
Готовая на все за корку хлеба...
Затоптанная в грязь... О небо, небо!
Ей суждено с тобою было слиться...
Гримасой перекошенные лица
и тычущие пальцы... Нас одною
сейчас объединила ночь виною.

* ИДЕА ВИЛАРИНЬО — Стихи (*Перевод с испанского Сергея Гончаренко*) // *Поэты Уругвая* (М.: Художественная литература, 1974), 170–185.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

Сейчас мы все готовы повиниться.
Мы в этот час готовы плакать, где бы
он нас ни заставлял... О небо, небо!
Но эта ночь не вечно будет длиться.
И на рассвете просветлеют лица,
и память снова зарастет корою...
А ночь придет с одной на всех виною.

Потерянное детство

Далекое, потерянное детство,
единственный и несомненный рай.
Когда б сказать «я не хочу» и снова
туда вернуться. Не хочу. Ах, мама,
зачем меня ты привела сюда?!
Мне надоело в этом взрослом мире,
мне надоел прескучный серый свет,
и голос мой, и рот, и навсегда
испытанные формы каждой вещи.
Я чувствую, что сил моих не хватит
еще на день, на вялую усталость
и вымученную надежду... Нет.
А время волочит меня, как труп,
и сводят счеты раненное имя,
и тело (предначертанный сосуд),
и взгляд, уставший биться о предметы.
Я не желаю больше подавать
существования условные сигналы
и шевелить рукой, мозгами или
чтоб снова в сердце что-то шевельнулось.
Мне надоело в этом взрослом мире...
Далекое, потерянное детство,
единственный и несомненный рай.

Улица Инки

Улица Инки. Крутой подъем.
Школа и фонари.
Мы здесь когда-то
прошли вдвоем.
Пристальнее смотри.
Угол и звезды. И летний сад.
И каменная ступень.
И так же, как столько лет назад,
лежит фонарная тень.

И в луже света ползет муравей...
Все так же. Все так. Точь-в-точь.
И зрела тогда
на скрещенье ветвей
луна, как и в эту ночь.
И так же точно цвела тишина
жимолостью тогда.
И свежебеленая эта стена
сияла глыбою льда.
Все так же и то же на том пути,
которым мы шли с тобой.
Но, видно, нельзя
по нему пройти
не вместе — а мне одной.

Когда одиноко

Одинок, как пес, одинок,
как безумец или слепец,
одинокий, словно мертвец,
словно флюгер, сбившийся с ног, —
одинок, одинок, одинок.
Одинок, как будто святой,
окруженный людской толпой;
как блаженный, он одинок;
словно дом, на котором замок;
словно в полночь пустой магазин...
Он один, он один, он один.
И никто не придет к нему
постучаться в глухую тьму;
почему его, почему
никому спасти не сумеешь?
Одиночество — тоже смерть!
Никому не сломать тюрьму.
Никому. Никому. Никому.
Не раздастся ничей звонок.
А он так сейчас одинок!
Одинок, как мертвец в гробу:
не услышат его мольбу.
Дома нынче, наверное, — рай! —
пьют родные липовый чай
и, лекарство приняв потом,
засыпают спокойным сном.
А его захлестнула ночь.
И не хочет никто помочь.
Одинок, как пес. Одинок,
словно флюгер, сбившийся с ног.
Одинок, одинок, одинок.

Какой была жизнь?

Какой была жизнь?
Какой?
Какой темнотой гнилой!
Отравой и злой тоской!
Была ли она собой?

Может, розой она
была?
Золоченой тенью крыла?
И должна была на пути
светлым облаком расцвести?

Может, яркой вспышкой огня
было ей суждено меня
опалить, а может — зажечь
жаркой радостью наших
встреч?

Что за дело!
Лишь бы была
ясной,
светлой,
как грань стекла!

Не могла ж она быть
и впрямь
отдана беспросветным дням!
Из одних забот
без числа
не могла она быть,
не могла.

Не могла она быть
такой —
вот такой, какой
она есть:
затхлый свет,
и черная весть,
и долгов и обид не счесть,
и не счесть проплаканных
дней...
И вокруг — никаких друзей.

Любовь

Запела птицей — и я пою,
зальется трелью — и я в ответ;
меня поранит — и раню я,
меня сломает —
переломлю;
она на помощь —
спешу помочь,
она — сражение,
она — покой,
она — влюбленность,
и боль, и гнев.
Хрипит и стонет —
и я хриплю,
а засмеется — смеюсь, смеюсь;
глаза поднимет — я встречу взгляд,
ответчу — если заговорит,
и если любит — то полюблю
(здесь речь о жизни,
не о любви);
она попросит — и я взмолюсь;
моя победа — когда она
в борьбе со мною одержит верх;
ее погибель — когда она
со мной в сражение
меня убьет.

Бедный мир

А вдруг его убьют,
и, на куски развален,
взорвавшийся, как паровой котел,
он будет стынуть —
кладбище развалин
испепеленных городов и сел,
из мироздания вычеркнут навечно:
как мокрой губкой
стертый напрочь мел...
А может, безрассудны и беспечны,
ему другой готовим мы удел:
его очистят. Попросту очистят.
И жизнь спадет, как падает парик.
И будет лысый шар, крутясь,
лучиться
в сиянии — прекрасен и велик.
А выражаясь менее красиво,
хоть этот слог для некоторых груб,
по их вине он будет плыть, как синий,
раздутый, разлагающийся труп.

Комментарии

ИДЕА ВИЛАРИНЬО (IDEA VILARIÑO, род. в 1918 г.). Родилась в Монтевидео, в мелкобуржуазной семье. Бросила подготовительные курсы медицинского факультета, чтобы заняться преподаванием литературы. Ее первая книжка, всего из пяти стихотворений, вышла в 1945 году под названием «Мольба». Несмотря на то, что в этой работе явственно ощущается влияние таких мастеров, как Хуан Рамон Хименес, в ней проявляется и самостоятельный почерк автора. Тема самоотречения и смерти проходит сквозь все ее творчество. Долгая болезнь, поразившая поэтессу в 1950 году, усилила мотивы обреченности и грусти в ее стихах, что нашло отражение, например, в книге «Небо, небо» (1947) и «В затхлом воздухе» (1954). Судя по сборникам «Ноктюрны» (1955), «Стихи о любви» (1962) и «Бедный мир» (1966), Идея Вилариньо относится к тем поэтам, которые «познали ад и душа которых опалена огнем преисподней». Впрочем, как свидетельствуют некоторые из последних ее стихов, Куба явилась для поэтессы первым проблеском надежды.